

ТВ: после премьеры

ДВА ЧАСА С УЛАНОВОЙ

Никогда до этой субботы Галина Сергеевна Уланова вот так, для всех, не рассказывала про себя. Про детство, про бабушку, про маму, про ленинградский дом Качалова — Тиме, так много в ее жизни значивший, про юность, про первый выпускной вечер, про прошлое, которое и знакомо, и не знакомо нам. Что-то другие про нее писали и говорили, и было все это по крупицам собрано, увидено, услышано, как правило, не от самой Галины Сергеевны. А она почти всю жизнь молчала.

Так много в фильме «Мир Улановой» (автор сценария Татьяна Агафонова, режиссеры Алексей Симонов, Владимир Васильев) уникальных, удивительных кадров, а не отпускает почему-то один. Осенний парк, скамейка и молчащая Галина Сергеевна с желтым кленовым листком в руках, то ли слушающая Чайковского, который начинает звучать в первых кадрах и пронизывает весь фильм, то ли вслушивающаяся в себя, в свой таинственный, непривычный мир, который теперь должен быть нам понятнее и ближе. Еще ничего не произнесено и не сказано, но что-то есть в этом недолгом, негромком кадре, определяющее весь стиль фильма.

Вот этот миллион невысказанных чувств, миллион невысказанных мыслей...

Это говорят они, ее ученики, ее соратники, ее единомышленники, которые, как им кажется, без Улановой не состоялись бы или по крайней мере не достигли того, чего достигли с ней. Это для них она остается загадкой с миллионом невысказанных мыслей... Можно ли нам, зрителям, ответить на поставленные вопросы и хотя бы в чем-то постигнуть эту загадку?

Камера ведет нас на Селигер, где молодая, начинающая Уланова впервые прикоснулась к одному из источников, одному из родников своего вдохновения — русской природе. Неброской и величественной, щемящей и радостной природе России, которая навсегда осталась с ней.

Камера ведет нас в ленинградские дворики и дома, где прошло детство Гали Улановой, в ее первый репетиционный зал, в квартиру ее товарища по сцене Татьяны Бечевской. Камера останавливается в квартире драматической актрисы Елизаветы Ивановны Тиме и крупного ученого Николая Николаевича Качалова, и Галина Сергеевна вспоминает, о чем они здесь

мые кадры Улановой — Джульетты, Одетты, Жизели, Марии, Тао-Хоа и начинаешь не то, чтобы понимать (кому дано понять подлинные корни таланта?), но догадываться о том, откуда в ее ролях эта чистота, эта безграничная естественность, эта пронзительная искренность чувств.

А потом видишь то же в глазах ее учеников. Наверное, не случайно создатели фильма показывают Васильева, Максимову, Тимофееву, Семеняку не в ролях, не на сцене Большого, а на репетиции, в процессе работы. И показывают гораздо меньше привычно-балетное: ноги, руки, прыжки и пируэты, а все больше лицо, глаза, которые, простите за избитое сравнение, и есть «зеркало души».

Помню, как я сидела на репетициях Галины Сергеевны и все время думала об одном: неужели эти уроки, в которых есть и мудрая педагогика, и тайна настоящего творчества, так и останутся не отснятыми, не запечатленными на пленку, которая одна может удержать все: движение, взгляд, слово? Наконец-то уроки Улановой будут сохранены. Слушаешь, что говорит Галина Сергеевна, и еще раз убеждаешься: балет может быть философией. Зримо видишь, как движение можно наполнить не только чувством, но и глубоким социальным смыслом. И еще, наверное, самое важное: как удивительно современна сегодняшняя Уланова-педагог, Уланова-творец.

Не знаю, как это удалось авторам фильма, но между нами, зрителями, и Галиной Сергеевной нет посредников. Куда-то исчезла камера, микрофоны, чужие глаза, нет заранее отрепетированных вопросов. В фильме вообще нет авторского текста. Нам ничего не пытаются разъяснять и растолковывать. Нам позволяют думать самим, не оглушая каскадом поясняющих слов. Нас на два часа оставляют одних с Улановой, с Чайковским, Рахманиновым, Скрябиным, Листом и Прокофьевым, с учениками Галины Сергеевны и с письмами к ней.

Среди авторов этих писем есть имена прославленные, есть имена великие. Но начинается фильм словами за кадром из письма девочки Юли Ларионовой: «Здравствуйте, дорогая Галина Сергеевна! Вы великая балерина, но, к сожалению, не моей юности, а юности моей мамы...» И последнее письмо (все письма читает Алексей Баталов, и это еще одна удача фильма) — от М. Несмашной: «не себе при надлежите, а нам, народу...»

Очень трудно определить жанр этого документального фильма. Это не биография, не история жизни и не анализ творчества. Здесь нет перечисления ролей, спектаклей и даже званий и наград. Есть нечто большее: желание заглянуть в мир Улановой.

Но можно ли за два часа проникнуть в мир человека? Да еще в такой сложный, глубокий и вместе с тем такой сдержаненный, молчаливый мир? Наверное, нет. Наверное, для того, чтобы постичь природу таланта, не изменяющего ни себе, ни истине, нужны годы. Но эти два часа были началом постижения, были началом прикосновения к миру Улановой.

Е. БРУСКОВА.

• Кадры из фильма.

разговаривали, чему учились, что постигали, как работали. И одна из загадок все-таки проясняется. Это суть всего поколения, выросшего в трудные, голодные, но искренние, истинные, постреволюционные годы, когда самоотречение, самоотдача были не позой, не жестом, не словом, а самой жизнью. И еще проясняется одна из загадок: ленинградская школа — это не только балет, это школа духа, духовности, школа отношений, где, как сказала Галина Сергеевна, «все были со всеми на «вы». Но это не признак дистанции, а лишь уважения и внимания к личности человека.

Смотришь на уже знакомые

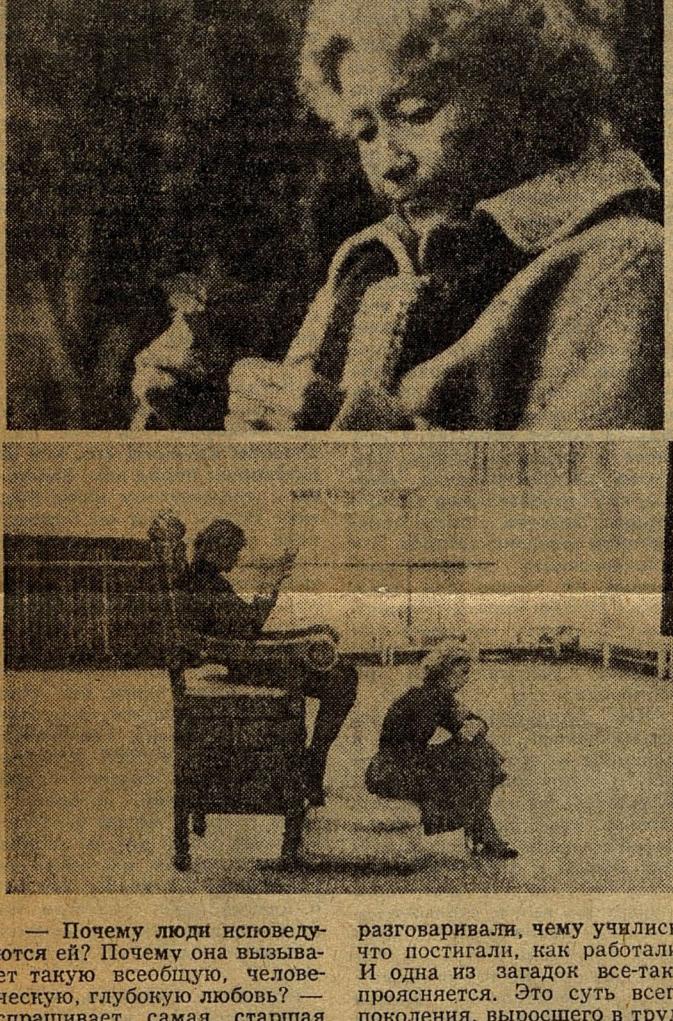
— Почему люди исповедуются ей? Почему она вызывает такую всеобщую, человеческую, глубокую любовь? — спрашивает самая старшая ученица Улановой — Нина Тимофеева. Спрашивает, не отвечая на этот вопрос, потому что сразу на него не отвечаешь. Потому что фильм для этого и сделан: понять мир Улановой.

На экране живое и трепетное лицо Екатерины Максимовой:

— Не знаю... Галина Сергеевна человек очень замкнутый, очень скрытый...

И строгие, умные глаза Владимира Васильева:

— Она, мне кажется, до сих пор остается загадкой.

разговаривали, чему учились, что постигали, как работали. И одна из загадок все-таки проясняется. Это суть всего поколения, выросшего в трудные, голодные, но искренние, истинные, постреволюционные годы, когда самоотречение, самоотдача были не позой, не жестом, не словом, а самой жизнью. И еще проясняется одна из загадок: ленинградская школа — это не только балет, это школа духа, духовности, школа отношений, где, как сказала Галина Сергеевна, «все были со всеми на «вы». Но это не признак дистанции, а лишь уважения и внимания к личности человека.

Смотришь на уже знакомые